

послѣ долгаго безцвѣтнаго прозябанія, никому въ сущности ненужный, кромѣ развѣ ожидающихъ добычи хищниковъ.

Графъ Шамборъ съ дѣтства осужденъ былъ на фиктивную жизнь короля безъ королевства, повелителя безъ подданныхъ, жреца безъ паствы. Придворное воспитаніе наполнило его умъ представленіями о прошломъ и будущемъ величіи; онъ искренно вѣрилъ, что онъ необходимъ для Франціи, что присутствіе его въ Парижѣ спасетъ страну, что имъ занимается и за него дѣйствуетъ божественный промыселъ. Это внушалось ему близкими людьми, искренними и фальшивыми льстецами, доктринерами и ханжами легитимизма; онъ весь былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ своемъ королевскомъ призваніи, независимомъ отъ событій и людей. Окруженный, даже на чужбинѣ, всеми признаками королевскаго достоинства и имѣя свой маленькій дворъ, въ предѣлахъ котораго строго соблюдается старинный этикетъ версальскаго двора, графъ Шамборъ могъ исполнять обязанности своего высокаго сана безъ тѣхъ неудобствъ и замѣшательствъ, съ которыми связано дѣйствительное господство надъ многомилліоннымъ капризнымъ народомъ. Мало того,—Генрихъ V является типомъ настоящаго короля, ибо онъ какъ нельзя лучше и полнѣе сообразовался съ извѣстною формулою, что „король царствуетъ, но не управляетъ“. Онъ несомнѣнно царствуетъ въ теоріи, хотя имѣетъ резиденцію въ Фрошдорфѣ, а не въ Парижѣ, и хотя его режимъ напоминаетъ скорѣе царство тѣней, чѣмъ явленія реальнаго міра. Оттого его царствованіе можетъ быть причислено къ самымъ безмятежнымъ и счастливымъ; оно было свободно отъ ошибокъ и потрясеній, отъ войнъ и революцій, отъ неудачъ и разочарованій. Во Франціи перемѣнилось за это время нѣсколько правительствъ и конституцій; множество министерствъ успѣло возвыситься и сойти со сцены; роковыя событія дали новое направленіе французской исторіи,—но за все это нисколько не отвѣчаетъ король, подобно тому какъ и въ Англіи королева Викторія не отвѣчаетъ за дѣйствія смѣняющихся кабинетовъ, опирающихся на всемогущую палату общинъ. Графъ Шамборъ поступалъ всегда самымъ благороднымъ образомъ относительно своихъ подданныхъ; онъ ни въ чемъ не стѣснялъ ихъ интересовъ, не налагалъ податей и повинностей, не вмѣшивался въ дѣла управленія и только изрѣдка высказывалъ свое мнѣніе въ какомъ-нибудь письмѣ къ преданному другу. Онъ можетъ теперь съ чистою совѣстью оглянуться на все свое долготѣнее царствованіе и не имѣетъ повода завидовать ни Луи-Филиппу, замѣнявшему его на престолѣ съ 1830 года, ни Луи-Наполеону, присвоившему себѣ власть съ 1852 года. Король оставался неизмѣнно тѣмъ же безстрастнымъ мистикомъ, какимъ сдѣлали его традиціи Бурбонскаго дома. Въ своемъ миниатюр-